

«Ну, начали!»
Поэт свои шаги прошел,
К барьеру быстро подошел,
Стал пистолет он поднимать.
... Дантес не стал и мига ждать.
К барьеру шагу не дошел,
Сам выстрел первым произвел.
На снег лицом поэт упал
И пистолет свой потерял.
Боль жгучая бедро прожгла.
Подумал: «Смерть меня нашла».
Но мысль о том, что он убит,
А тот другой пред ним стоит
И улыбается в душе:
«Что ж отомстил ты сам себе!?»,
Было сильнее всех тела мук.
И он преодолел недуг,
Собрался из последних сил:
«Мой выстрел –
Час его пробил».

Всем телом он приподнялся
(Данзаса шуба помогла),
На левый локоть оперся.
Другой вручают пистолет –
Такой же точно – был резерв.
Заставил целиться себя,
Чтоб пуля верная пошла.
Раздался выстрел –
Жорж упал.
«Отлично! Bravo! –
Я попал!» –
Поэт взволнованно вскричал,
Не зря в обидчика стрелял.
И прочь отбросил пистолет:
Не нужно боле – цели нет.
Но пуля в тело не вошла,
Удар ослабила рука.
Кавалергарду повезло,
Он ранен только, и легко.
Случайно ладанка была,

Дантесу жизнь она спасла.
А Пушкин на снегу лежит,
Ногой совсем не шевелит.
И сани чтоб ему подать,
Пришлось им изгородь ломать.
Лишь на дороге, как смогли,
В карету Пушкина внесли.
Лошадки тихо чуть пошли
От места, где упал в крови
Поэт – любимец всей земли.

* * *

Дуэль была среди бела дня
И на глазах всего двора.
Но помешать – помилуй бог!
Напротив, чем скорей уйдет,
Тем лучше и спокойней им,
Ответственным перед царем самим.
А шеф жандармов Бенкендорф
Наряд их шлет в Екатеринбург,
Отлично зная наперед,
Что никого там не найдет.
А к Комендантской не послал,
Хотя донос пред ним лежал,
Но сделал вид – не получал.
... На речке снова тишина.
Взошла в сиянии луна.
Ах, если бы она могла,

Поэту жизнь бы сберегла.
Никто не ведает, когда
Та речка Черной названа,
Но черной памятью река
В историю тех дней вошла:
Здесь пуля Пушкина нашла.

* * *

На Петербургской стороне
Темнеет рано в январе.
Вдоль длинного ее пути
Пришлось им Пушкина везти.
Как мог, с трудом полулежал,
Сквозь зубы от толчков стонал,
Но главное, о чем желал,
Чтобы Данзас не взволновал
Покой Натальи, всей семьи,
Плохую весть они везли.
«Скажи, что рана не страшна,
Слегка задета лишь нога.
Но сам я думаю:
Пропал,
Пока никто не извлекал
Такую пулю, что бедро прошла,